

Шэн Аньхуай считал, что у Тянь Ци большое будущее.

Не говоря уже о толстокожести этого мальчишки и его умении льстить, достаточно было вспомнить, сколько глупостей он натворил перед очами императора. Любого другого евнуха за такое казнили бы десять тысяч раз, но Тянь Ци раз за разом умудрялся выйти сухим из воды, да еще и заставлял императора смотреть на себя с благосклонностью. Таким талантом обладал далеко не каждый.

Честно говоря, Шэн Аньхуай этого не понимал. Император хоть и казался ласковым весенним ветерком, на деле вовсе не был мягкотелым простаком. Он мог приказать забить слугу до смерти, даже не моргнув глазом. Почему же в случае с Тянь Ци его терпение всякий раз чудесным образом растягивалось?

Впрочем, понимал он или нет, но, будучи главным евнухом, он прекрасно знал, как следует себя вести. Поэтому отношение Шэн Аньхуа к Тянь Ци наконец улучшилось: он больше не заставлял его ждать в караулке, а ставил прямо под нос Цзи Хэну.

Цзи Хэн занимался бумагами во дворце Янсинь, а Тянь Ци стоял рядом, наострив уши, глядя в переносицу и сосредоточившись на своем внутреннем мире, готовый в любую минуту исполнить приказ. Эта работа казалась легкой, но на самом деле была утомительной, ведь требовала предельной концентрации без права на малейшее расслабление. Шэн Аньхуай был уже немолод, силы его были не те, что раньше, и он не мог постоянно держать нервы на пределе. Опасаясь совершить ошибку из-за переутомления, он великодушно переложил эту обязанность на Тянь Ци. Это было взаимовыгодно: и силы экономил, и делал одолжение Тянь Ци.

Цзи Хэн, поработав с бумагами, время от времени поднимал взгляд, чтобы дать глазам отдых. Он был доволен тем, как Шэн Аньхуай устроил дела: поставить этого евнушка сюда было верным решением. Хоть толку от него было мало, зато внешностью природа его не обделила. Стоит столбом — тихий, скромный, глаз радуется. Красивым людям всегда живется легче. Цзи Хэн полагал, что его бесконечное терпение к Тянь Ци напрямую связано с этим миловидным личиком. Если бы кто-то другой посмел влить ему за шиворот дождевую воду, этот человек, скорее всего, даже не покинул бы пределы императорской гробницы, дожидаясь, пока его тело превратится в удобрение для тамошних тополей.

Внезапно Цзи Хэн понял, почему Тянь Ци может тянуть к мужчинам. С такой внешностью, если бы не тот злополучный удар ножом, он наверняка стал бы прелестным юношей — не в смысле мужественной красоты, как сам император, а в том самом двусмысленном, манящем роде. Такие мужчины словно созданы для запретных утех. На месте женщины он, пожалуй, тоже не устоял бы...

Поймав себя на этой мысли, Цзи Хэн почувствовал, что превращается в какого-то пошляка. Он слегка кашлянул, чтобы скрыть неловкость.

Тянь Ци все это время следил за движениями императора. Услышав кашель, он решил, что тот хочет что-то сказать, и поднял голову.

Под этим взглядом Цзи Хэн смутился еще больше и недовольно зыркнул на него.

Тянь Ци: — ...

Недаром говорят, что служить государю — все равно что жить с тигром. У императора нрав такой переменчивый, что не угадаешь: только что все было спокойно, и вдруг опять злится.

Тянь Ци неловко опустил голову, подумав про себя: в любом случае, меня это не касается.

В этот момент вошли двое евнухов с чаем. Один подошел к столу Цзи Хэна с подносом, а другой, бережно придерживая чашку, поставил ее перед императором и тихо произнес:

— Прошу, Ваше Величество, отведайте чаю.

Цзи Хэн кивнул, и оба удалились.

Тянь Ци вытянул шею, украдкой поглядывая на чашку. Цзи Хэн взял ее, приподнял крышку и несколько раз провел ею по поверхности. Тонкий белый пар, извиваясь, поднялся над чашкой и растаял в воздухе.

Тянь Ци глубоко вдохнул, улавливая свежий чайный аромат с легкими нотками лекарственных трав. Он прищурился, блаженно улыбаясь: пришла пора заработать, в этот раз упускать шанс нельзя.

Этот целебный чай наверняка прислала Вдовствующая императрица, распорядившись, чтобы его приготовили ее приближенные.

Все обитательницы гарема пристально следили за тем, что ест и пьет Его Величество. Сколько съел, какое выражение лица было при этом, понравилось ли ему — обо всем этом можно было доложить своим господам, и это был один из способов заработка для евнухов, приближенных к императору.

Теперь, когда Тянь Ци собственными глазами видел, как Цзи Хэн пьет чай от Вдовствующей императрицы, он мог без труда расхвалить напиток перед ней, лишь бы император не выказал явного отвращения. Даже если император не любит этот чай, можно будет сказать: Хоть вкус лекарства был и резковат, Ваше Величество, тронутый материнской заботой, выпил его до дна. В конце концов, язык без костей, главное — отбросить стыд, и награда будет у него в кармане. Вдовствующая императрица щедра, на серебро не поскупится.

Тем временем Цзи Хэн сделал глоток, поднял глаза и увидел, что Тянь Ци с упоением вдыхает аромат и глупо улыбается.

— Разбираешься в чае? — спросил он.

Тянь Ци опомнился:

— Осмелюсь доложить, Ваше Величество, раб не разбирается. Просто запах такой приятный, должно быть, это высший сорт.

Услышав это, Цзи Хэн пододвинул чашку к нему:

— Раз так, забирай себе.

Тянь Ци: — ...

Хозяева иногда жалуют слугам еду или напитки со своего стола, порой даже то, к чему сами уже приложились. Некоторые слуги считали это великой честью, но Тянь Ци был совершенно не готов к такому знаку внимания. Он был брезглив и не хотел касаться того, к чему прикасались чужие губы. И неважно, что это император — у него тоже рот, как у всех. Пить после него? Его это воротило.

Однако сказать об этом вслух он не смел, даже лицом не мог выдать своего отвращения, напротив — нужно было изобразить глубочайшую благодарность. Тянь Ци с волнением подошел, взял чашку и, долго борясь с собой, все же не решился сделать глоток. Он подобострастно улыбнулся:

— Ваше Величество, вы пожаловали мне такой чудесный чай, что у меня рука не поднимается его испортить. Я хочу унести его к себе, поставить на алтарь и возжигать благовония, почитая вашу безграничную милость.

Он сыграл свою роль безупречно, обычный человек ничего бы не заметил, но Цзи Хэн не был обычным человеком. Мимолетное выражение брезгливости на лице евнуха не ускользнуло от его глаз.

Цзи Хэн разозлился: этот евнух совсем не ценит милости, еще и брезгует им! Подумав, он решил: чем больше ты не хочешь пить, тем больше я заставлю.

— Ерунда, — сказал Цзи Хэн. — Сначала выпей эту чашку, а если хочешь возжигать благовония — я пожалею тебе еще. — Сказав это, он действительно приказал принести еще чаю.

Под пристальным взглядом Цзи Хэна Тянь Ци не смог отказаться и, набравшись храбрости, сделал глоток.

— Ну как? — с ехидцей спросил Цзи Хэн.

— Поистине великолепный чай, сегодня мне несказанно повезло, — ответил Тянь Ци с кислой миной.

Видя, что евнух не в восторге, Цзи Хэн пришел в отличное настроение:

— Раз так, допивай все до конца.

Тянь Ци пришлось поднять чашку, запрокинуть голову и выпить все залпом.

Взгляд Цзи Хэна замер на его шее. Тонкая, изящная, кожа белая и нежная, словно полированный нефрит. Когда он глотал чай, его кадык слегка двигался, напоминая грациозного лебедя.

— Кхе-кхе, — Цзи Хэн почувствовал неловкость. — Довольно, довольно. Кто же так пьет чай, словно бык жует пион.

Тянь Ци осушил чашку, поставил ее на стол, и его алые губы заблестели от капель чая.

Цзи Хэн отвел взгляд, взял свою чашку и, отпив, решил сменить тему:

— Как ты попал во дворец и стал евнухом?

— Осмелюсь доложить, Ваше Величество, я с детства мечтал стать евнухом.

— Пф-ф! — Цзи Хэн не удержался и прыснул, облив чаем бумаги на столе. С черным лицом он смотрел на мокрые документы: — Лгать императору — это преступление, караемое смертью.

Тянь Ци схватил платок и принялся вытирать грудь императора:

— Раб не смеет лгать.

— Разве кто-то с детства мечтает стать евнухом?

— Ваше Величество, вы не знаете. В детстве я был очень слаб, и матушка говорила, что если я и выживу, то не вырасту, а если вырасту, то не проживу долго...

— Что за бред?

— Матушка имела в виду, что семья у нас бедная, лишних ртов не прокормить. Если я не смогу себя обеспечить, когда вырасту, то останется только умереть с голоду. Поэтому, как только я начал хоть что-то понимать, я стал думать, чем заняться. Телом я не вышел, как другие мужчины, вот и подумал: стать евнухом — неплохой выход. Все равно ни одна девушка за меня замуж не пойдет.

Тянь Ци восхищался собой: врать он умел мастерски, без запинки и даже не краснея.

Цзи Хэн слушал, колеблясь между верой и сомнением:

— Почему же ты не пошел учиться, чтобы сдать экзамены и стать чиновником?

— Ваше Величество, вы шутите. У меня на еду денег не было, откуда взяться лишним средствам на учебу? — Он убрал платок. — Ваше Величество, вы испачкали одежду, я сейчас позову кого-нибудь, чтобы вас переодели. — С этими словами он развернулся и вышел.

Цзи Хэн сидел в кресле, погруженный в задумчивость. Ему стало жаль Тянь Ци, сочувствие к его тяжелой судьбе наполнило сердце. В этом ребенке была какая-то искра, если бы он мог учиться, то наверняка добился бы большего.

А Тянь Ци уже давно выбросил этот разговор из головы. После смены он радостно помчался во дворец Цынин зарабатывать деньги.

Евнухи при императоре работали посменно — утренняя и вечерняя смены. Были еще ночные, но те были доверенными лицами, их график не менялся. Тянь Ци работал в утреннюю смену: начинал в час тигра, заканчивал в час лошади.

Пообедав и немного отдохнув, он прикинул, что Вдовствующая императрица уже должна проснуться после полуденного сна, и отправился во дворец Цынин поболтать со служанками. Те, конечно, поняли, зачем он пришел, и нашли момент доложить Вдовствующей императрице. Та, увидев, что евнух хорош собой и речист, говорит только то, что ей приятно слышать, осталась довольна и велела наградить его.

Выйдя из дворца Цынин, Тянь Ци расплылся в улыбке до ушей. Он разжал ладонь — на ней лежали четыре золотые монетки, желтые, блестящие, по форме напоминающие маленькие арахисовые орешки, с выгравированными надписями: Счастье и Исполнение желаний. Взвесив их на руке, он прикинул, что здесь не меньше трех-четырёх лянов. Аккуратно спрятав золото в кошелек, он поднял голову и увидел, как несколько евнухов и служанок сопровождают маленького ребенка. Малышу было года три-четыре, одет он был в ярко-красное платье с вышивкой облаков и символов удачи. Личико нежное, пухлое, черты еще не оформились, а большие глаза — ясные и блестящие.

Когда ребенок, ведомый за руку, подошел ближе, Тянь Ци поспешно опустился на колени у края дороги:

— Приветствую Ваше Высочество.

Этот ребенок был не кем иным, как единственным сыном нынешнего императора, Цзи Биндэ, известным под детским именем Жуи. Его мать, покойная императрица Сяочжао, вышла замуж за Цзи Хэна, когда тот был еще наследным принцем, и скончалась вскоре после рождения сына. Сейчас маленький Жуи воспитывался при Вдовствующей императрице.

Тянь Ци стоял на коленях, ожидая, пока принц пройдет мимо. Но вдруг маленький принц остановился и повернулся к нему.

Тянь Ци устался в землю, видя лишь подол красного одеяния, и тут раздался звонкий детский голос:

— Мама...

— ...

Кормилица поспешно подхватила Жуи и увела его.

Позже кто-то объяснил Тянь Ци, что в то время принц как раз выучил это слово и называл мамой всех женщин, что попадались ему на пути. А так как его настоящая мать умерла рано, ни император, ни Вдовствующая императрица не имели сердца его ругать.

А тогда Тянь Ци, покрывшись холодным потом, проводил взглядом уходящего принца, думая про себя: настоящий сын своего отца, такой же странный. Хотя ребенок был милый, так и хотелось ущипнуть его за пухлые щечки.

Вернувшись в Тринадцатый отдел, он увидел своего наставника Дин Чжи, который оглядывался у его комнаты.

Тянь Ци позвал его, Дин Чжи обернулся, осклабился и, похлопав его по голове, спросил:

— Слышал, ты теперь при императоре служишь?

Тянь Ци кивнул и пригласил его войти.

Дин Чжи помрачнел:

— Нашел такое хорошее место, а мне не сказал.

Тянь Ци опустил голову и промолчал. После истории с поясом он затаил на наставника обиду, не смел приближаться и не хотел спрашивать напрямую.

Дин Чжи удивился:

— Что с тобой? Крылья отрастил, и наставник больше не указ?

Подумав, Тянь Ци решил пойти на хитрость:

— Вообще-то, это император не велел мне вам говорить.

— Почему? — в глазах Дин Чжи мелькнуло странное выражение.

Тянь Ци развел руками:

— Император узнал о том, что вы сделали. Он хочет наказать вас, но так, чтобы это стало неожиданностью. Я ваш ученик, поэтому он строго наказал мне держать язык за зубами.

Лицо Дин Чжи стало мертвенно-бледным:

— Император... он все знает?

Тянь Ци тяжело кивнул, внимательно наблюдая за ним.

Дин Чжи заерзал на месте, вскочил и принялся расхаживать по комнате, с каждым шагом ускоряясь:

— Что делать, что делать... Теперь мне конец...

Сердце Тянь Ци похолодело:

— Наставник, тот человек... это правда были вы?

— Я, это был я, — Дин Чжи посмотрел на него, подошел ближе и, понизив голос, заговорщически спросил: — Как император узнал?

Тянь Ци решил, что тот прикидывается, и указал на свой пояс.

Дин Чжи хлопнул себя по лбу:

— Ах, я так и знал! Говорил же себе, не надо было дарить Сюи тот пояс. Подарил бы украшения, антиквариат, даже два золотых слитка были бы лучше, чем пояс!

— Поймите, при чем тут Сюи? — Тянь Ци был в замешательстве. Сюи была придворной дамой, зачем наставнику дарить ей пояс?

Дин Чжи замер:

— Не Сюи? Неужели император узнал и о моей связи с Сючунь?

— ... — Тянь Ци наконец понял, о чем речь. Сюи и Сючунь были служанками во дворце Цяньцин, похоже, наставник крутил шашни с обеими. Он приложил руку ко лбу: — Наставник, я не об этом. Кроме Сюи и Сючунь, вы больше никому пояса не дарили?

— Была еще одна из дворца Цынин...

Тянь Ци не выдержал и перебил его:

— А мне! Вы мне тоже дарили особенный пояс?

Дин Чжи посмотрел на него с таким ужасом, словно увидел извращенца.

Тянь Ци бессильно вздохнул:

— Наставник...

Дин Чжи вдруг выдал:

— Тянь Ци, так ты в меня влюблен?

Тянь Ци: — ...

— То, что ты не любишь женщин, это еще ладно, но любить евнуха — это уже перебор, а ведь я твой наставник! — Дин Чжи говорил с самым серьезным видом. У евнухов часто бывали странности, но его ученик был извращенцем в каком-то совершенно особом роде.

Тянь Ци понял: все мысли наставника были заняты лишь тем, как бы соблазнить служанок, и у него не было амбиций лезть в дворцовые интриги.

Он успокоился и вкратце рассказал Дин Чжи, что случилось.

Выслушав, Дин Чжи так испугался, что волосы на голове зашевелились — он искренне дрожал за Тянь Ци. Но Дин Чжи был человеком без царя в голове, и Тянь Ци не ждал от него дельных советов. Главное — прояснить ситуацию и убрать недомолвки. В конце концов, ни у него, ни у Дин Чжи не было сил расследовать дело о покушении на наследника.

Проводив наставника, Тянь Ци снова вытащил свои золотые монетки, повертел их в руках, а потом пошел хвастаться к Ван Мэну.

Постучав в дверь, он увидел, что ее открыл избитый евнух с синяками под глазами.

— Простите, я ищу Ван Мэна, — вежливо сказал Тянь Ци.

— Это я, — ответил тот.

Тянь Ци: — ...

Он внимательно разглядывал лицо Ван Мэна, пытаясь найти хоть какие-то знакомые черты в этом превращении Сунь Укуна в Чжу Бацзе, и наконец спросил:

— Что с тобой случилось?

Ван Мэн, услышав вопрос, разрыдался и рассказал все как есть.

Оказалось, что те сто лянов, которые дал ему Тянь Ци, украли еще до того, как он успел их потратить. Расспросив соседей, он узнал, что заходил Сунь Дали из Императорской конюшни. Ван Мэн проявил смекалку, пошел в лавку, где меняли серебро, и, подкупив мальчишку, узнал, что Сунь Дали действительно менял там сто лянов.

Когда он пришел к Сунь Дали с обвинениями, тот перевернул все с ног на голову, заявив, что это Ван Мэн украл его деньги, и избил его. Денег, конечно, никто не вернул.

Тянь Ци покачал головой:

— Ну как можно быть таким размазней! — Он хотел было сам дать ему затрещину, но, прикинув, куда бить, махнул рукой.

Ван Мэн опустил голову:

— Прости...

— От твоих извинений толку никакого! — Тянь Ци гневно сверкнул глазами. Ему было жаль не Ван Мэна, а денег. Сто лянов! Он так долго копил, и все исчезло, даже не успев позвенеть в кармане.

Сунь Дали из Императорской конюшни он знал. Любитель выпить и поиграть, с дурной репутацией, но его наставник был фаворитом Шуфэй, поэтому Сунь Дали вел себя нагло и любил издеваться над слабыми.

Настоящее имя его было другим, а прозвище Сунь Дали он получил за свою недюжинную силу.

Итог: перед ним был наглый негодяй с высокопоставленным покровителем и большой физической силой.

Тянь Ци потер подбородок, посмотрел на Ван Мэна, потом на себя и с грустью понял, что даже вдвоем они не равня Сунь Дали.

То, что Ван Мэн решился пойти к нему на разборки, было верхом храбрости.

Но метод был неверный: зная, что противник силен и нагл, лезть на рожон — это самоубийство.

В Запретном городе Тянь Ци умел гнуть спину, но всему есть предел. Самое важное — речь шла о ста лянх.

Сунь Дали не такой уж важный человек, Шуфэй — это, конечно, серьезно, но ведь и он, Тянь Ци, служит самому императору!

Подбадривая себя, Тянь Ци расхаживал по комнате, вынашивая план.

Против бесстыдных людей нужно быть еще бесстыднее.

Ван Мэн робко спросил:

— Что теперь делать?

Тянь Ци остановился:

— Сначала вернем деньги.

Ван Мэн не до конца понял смысл сказанного, но, увидев злое выражение лица Тянь Ци, не решился переспрашивать.

После ужина они отправились к жилищу Сунь Дали. Тот, как и ожидалось, играл в азартные игры.

Увидев Ван Мэна, Сунь Дали подумал, что этот слабак снова пришел нарываться на неприятности, но он не боялся — избьет его еще раз, делов-то. Тянь Ци, опасаясь, что Сунь Дали поймет их связь, вошел чуть позже. Увидев игорный стол, он с улыбкой вклинился в игру и, боясь, что его не примут, выложил на стол те самые четыре золотые монетки.

Сунь Дали загорелся, и ему тут же уступили место.

Тянь Ци не любил играть: деньги, пришедшие легко, уходят легко, а проигрыши заставляют ставить еще больше. К тому же, он не обладал даром выигрывать. Азартные игры — это ум и удача. Ума ему хватало, а вот удача — вещь переменчивая.

Но сегодня его целью был не выигрыш.

Они играли в пайцзю. Сунь Дали выиграл несколько партий подряд, игроки сменялись, их глаза налились кровью от желания отыграться.

Сунь Дали везло, и вскоре у него выпала Тянь-пай — вторая по старшинству комбинация в игре.

— Прошу прощения, братцы, — с улыбкой сказал он, протягивая руку за деньгами.

— Подожди, — остановил его Тянь Ци, приковав к себе взгляды всех присутствующих.

— В чем дело? — спросил Сунь Дали.

— Мне показалось, ты жульничаешь.

Сунь Дали в ярости хлопнул по столу:

— Не умеешь играть — не садись! Проиграл копейки и ноешь? Смеешь обвинять меня в шулерстве? Все здесь люди зрячие, скажите, жульничал я?! — Он окинул всех взглядом, ожидая поддержки.

Но никто не ответил, напротив, все смотрели на него с подозрением. Счастливчикам всегда завидуют, и игроки охотно поверили, что Сунь Дали играет нечестно.

Сунь Дали взбесился и бросился на Тянь Ци с кулаками. Тот намеренно толкнул кучу карт, и среди них оказалась еще одна карта с двенадцатью очками.

Двенадцатиочковых карт было всего две, и обе уже были у Сунь Дали. Откуда взялась третья?

Разве это не жульничество?

Подогретая подозрением толпа мгновенно решила, что Сунь Дали — шулер. Игроки любили решать проблемы кулаками, и, узнав, что они проигрывали из-за обмана, в ярости набросились на него.

Тянь Ци подал знак Ван Мэну, и они, сгребая деньги со стола и обыскав поверженного Сунь Дали, бросились наутек.

Сунь Дали быстро понял, что к чему. Недаром его прозвали Силачом: даже под градом ударов он прорвался сквозь толпу и погнался за ними.

— Тянь Ци, я тебя убью! — орал он.

— Стой! — снова взревел он.

Тянь Ци подумал: и не подумаю. Они не решились возвращаться в свои комнаты и выбежали за пределы Тринадцатого отдела.

Тринадцатый отдел и Запретный город разделяла лишь дорога. Сунь Дали догнал их у ворот и, не раздумывая, схватил деревянный табурет и швырнул в них. Табурет описал дугу в воздухе, целясь прямо в голову Тянь Ци. Тот оглянулся и специально замедлил шаг, пропуская табурет вперед.

Табурет пролетел мимо и полетел прямо в юношу в белом, стоявшего на углу улицы.

Тянь Ци сразу узнал его — это был Нин-ван, Цзи Чжэн.

Цзи Чжэн был младшим братом Цзи Хэна. В свои шестнадцать лет он уже получил титул Нин-вана, а после Нового года переехал из дворца в свой собственный дом. У покойного императора было только два сына, и Цзи Чжэна, рожденного от любимой наложницы, он баловал больше, из-за чего в свое время и возник кризис престолонаследия.

Но любовь порой приносит лишь вред: обожание императора стало причиной отчуждения между братьями. О братской любви не могло быть и речи, и то, что Цзи Хэн после восшествия на престол не стал притеснять брата, говорило о его широкой душе. В конце концов, это был человек, который едва не отнял у него трон.

Цзи Чжэн считал себя совершенно невинным. Когда в свое время разгорелся скандал вокруг престолонаследия, сколько ему было лет? Его голову занимали лишь детские заботы: не отругает ли отец за плохие оценки, или какую бы интересную игрушку раздобыть, чтобы никто не заметил. О борьбе за трон он не имел ни малейшего представления, а уж тем более — интереса или жажды власти. Однако его матушка, благородная наложница, была женщиной амбициозной и, к тому же, страдала манией преследования. Она свято верила: если ее сын не станет императором, то, взойдя на престол, наследник не оставит им с сыном шансов на выживание. Так она с головой окунулась в борьбу за трон.

Так сложилась небольшая компания заговорщиков из слабовольного императора, фаворитки и продажного евнуха, где правитель метался из стороны в сторону, не проявляя твердости духа.

Разумеется, заговор провалился. Закон есть закон, и пошатнуть его не так-то просто. Порой в вопросах престолонаследия решающее слово остается за сановниками, а не за монархом. При поддержке всего двора положение наследника, несмотря на несколько кризисов, удалось отстоять.

Помня о прошлых грешках, после воцарения Цзи Хэна благородная наложница жила в постоянном страхе перед политическими репрессиями. К тому же, не в силах смириться с поражением, она зачала от душевной болезни и через год отправилась вслед за покойным императором.

Цзи Чжэн, которому перевалило за десять, как и все отпрыски императорского рода, рано повзрослел. Он осознал простую истину: чем меньше проявляешь рвения, тем ты в большей безопасности. Он начал прикидываться простаком, что притупило бдительность Вдовствующей императрицы и Цзи Хэна, и те оставили его в покое.

Цзи Чжэн считал их опасения смехотворными. Нужно быть полным идиотом, чтобы, не имея никакой поддержки, пытаться захватить трон.

Его вполне устраивала роль праздного родственника императора: еды и питья вдоволь, развлекайся, как хочешь — куда выгоднее, чем самому императору. Так гедонизм стал его жизненным кредо.

Цзи Чжэн унаследовал черты матери: типичный красавчик с тонкими, изящными чертами лица. Его облик — нечто среднее между юношей и мужчиной: контуры лица постепенно становились четче, но мягкость и свежесть юности еще сохранялись.

Когда он прогуливался по городу, взгляды всех девиц и молодых жен были прикованы к нему. Цзи Чжэн привык к повышенному вниманию и не обращал на это внимания.

Сегодня его снова окружили, но на сей раз не женщины, а группа евнухов.

Все вышло так: он неспешно прогуливался по улице за северными воротами Запретного города, как вдруг краем глаза заметил, что некий черный предмет летит прямо на него. Инстинктивно он попытался увернуться.

И ведь мог бы успеть.

Но тут чья-то фигура бросилась вперед с криком: — Ваше Высочество, берегитесь!

Цзи Чжэн на мгновение опешил. Этой заминки хватило, чтобы незнакомец с размаху налетел на него. От сильного толчка Цзи Чжэн не удержался на ногах, и они вместе рухнули на землю.

В тот день он вышел без охраны, с ним были лишь несколько слуг, которые отреагировали слишком медленно, лишь наблюдая, как их господина сбивает с ног летящий на полной скорости евнух.

В этот же момент злополучный предмет — табурет — рухнул вниз, едва не угодив им обоим по головам. Цзи Чжэн взмахнул рукой, отбивая его в сторону. Табурет, прокрутившись, упал на землю, но ножка все же успела задеть лоб Тянь Ци.

Цзи Чжэн обнимал Тянь Ци за талию, чувствуя, насколько тот хрупок и тонок. Вероятно, от быстрого бега евнух тяжело дышал, его грудь вздымалась, а горячее дыхание обжигало лицо Цзи Чжэна.

Уши молодого князя залились краской. Впервые в жизни он оказался в столь двусмысленном положении, да еще и с евнухом.

Цзи Чжэн почувствовал неловкость и отвел взгляд. Вдруг в поле зрения мелькнуло что-то красное, расплывающееся пятном. В следующее мгновение левый глаз пронзила острая боль от попавшей в него крови, он часто заморгал, и мир вокруг застлал кровавый туман.

Тянь Ци, прижимая руку к рассеченному лбу, крикнул застывшим слугам: — Скорее сюда! У князя кровь в глазах!

Слова князь, глаз, кровь звучали пугающе. Слуги бросились поднимать их, окружили Цзи Чжэна, начали суетиться, вытирая и промывая ему глаз, пока наконец не очистили его.

Тем временем подросел Сунь Дали, а за ним и другие зеваки-евнухи. Увидев Цзи Чжэна, они повалились на колени.

Цзи Чжэн потер покрасневший левый глаз: — Вставайте.

Евнухи поднялись. Тянь Ци, стоя рядом с князем, указал на Сунь Дали: — Как ты посмел бросаться вещами! Ты чуть не поранил Его Высочество!

Сунь Дали в ужасе снова рухнул ниц: — Ваше... Ваше Высочество, пощадите!

Цзи Чжэн с полуулыбкой взглянул на Тянь Ци, подумав: поранил меня как раз ты. Впрочем... ведь евнух хотел его спасти. Не обращая внимания на Сунь Дали, он спросил: — У тебя рана кровоточит.

Тянь Ци прикрыл лоб ладонью: — Благодарю за заботу, Ваше Высочество, я в порядке.

Ван Мэн поспешно достал платок, чтобы стереть кровь, а затем просто прижал его к ране, чтобы остановить кровотечение.

Глядя на ярко-алое пятно на белой ткани, Цзи Чжэн нахмурился: — Все же стоит показаться императорскому лекарю.

При упоминании лекаря у Тянь Ци разболелась голова: — Глубоко тронут вашей заботой, но если поднимется шум, не миновать допросов, а мне будет сложно оправдаться.

Цзи Чжэн согласился: в подобных потасовках лучше не светиться. Он достал из кошелька золотой слиток и протянул его Тянь Ци: — Возьми. Найди хорошего врача. Ты спас меня сегодня, считай это благодарностью.

— Как я могу принять награду от Вашего Высочества? Пусть это будет просто милостью, — ответил Тянь Ци, пряча золото за пазуху.

Цзи Чжэн не стал спорить, чтобы не задерживать его, но перед уходом бросил взгляд на Сунь Дали: — Если еще раз подобное повторится, я доложу обо всем брату-императору, вас всех вышвырнут и отправят в Шаньси уголь добывать.

Сунь Дали закивал с подобострастной улыбкой: — Никак нет, Ваше Высочество, никак нет.

Вернувшись в Тринадцатый отдел, Ван Мэн бережно перевязал рану Тянь Ци, используя мазь, которую тот ранее принес из Зала Анлэ.

Закончив, они принялись делить деньги, отбитые у Сунь Дали: всего сто сорок с лишним лянов. За вычетом украденных ста, чистая прибыль составила сорок с лишним лянов. Тянь Ци пересчитывал монеты, радуясь удачной сделке. Теперь, после окрика князя, Сунь Дали вряд ли осмелится лезть к ним снова.

Ван Мэн пододвинул всю сумму Тянь Ци. Тот толкнул деньги обратно: — Оставь себе. Если потеряешь — больше помогать не стану. Учись быть расторопнее, не жди, пока тебя спасут. В императорском дворце без смекалки не выжить — затопчут. Если не можешь дать сдачи физически, используй голову.

Ван Мэн замялся: — Я глуповат.

— Это точно, — кивнул Тянь Ци. — Ты же знаток врачевания, верно? Яды делать умеешь? Сделай что-нибудь на всякий случай.

Ван Мэн кивнул.

— Сделаешь — и мне долю оставь, — наказал Тянь Ци.

На следующее утро, заступив на смену во дворце Янсинь, Тянь Ци снова оказался перед очами императора. Цзи Хэн заметил белую полоску под краем шапки и с любопытством подошел. Сдернув головной убор, он увидел на лбу евнуха повязку.

— По кому это ты траур носишь? — спросил Цзи Хэн, водружая шапку обратно.

Тянь Ци поправил ее: — Докладываю Императору, вчера ударился головой о дверной косяк.

Цзи Хэн окинул взглядом рост Тянь Ци: — Забавно. С твоим-то ростом, какой же низкий должен быть косяк, чтобы ты умудрился об него удариться?

Тянь Ци мысленно закатил глаза, подумав, что у императора сегодня явно много свободного времени, раз он решил поиздеваться над ним.

Не дождавшись ответа, Цзи Хэн добавил: — Ты что, через собачий лаз пролезал?

Тянь Ци передернуло: — Ваше Величество, вы слишком многого обо мне мните.

— Тянь Ци, за обман императора по головке не гладят.

Стиснув зубы, Тянь Ци пришлось выложить правду, правда, слегка приукрасив: мол, увидел, как шулеры играют, сделал замечание, и пришлось спасаться бегством, вот и угодил в переделку.

Цзи Хэн мгновенно сделал вывод из его рассказа: — Азартные игры, драки. — Он прищурился с недовольством. — Чем ты только целыми днями занимаешься!

Тянь Ци поспешно ответил: — Император, я только и делаю, что стараюсь вам угодить, а остальное — лишь способ скоротать время.

Цзи Хэн щелкнул его по лбу: — Язык без костей.

Тянь Ци показал ему язык. Подобное поведение перед лицом императора считалось нарушением этикета, но Цзи Хэна это позабавило, и он ничего не сказал. Подумав немного, он спросил: — Кто тот евнух, что тебя ударил?

— Докладываю, Сунь Дали из Императорской конюшни.

Цзи Хэн решил разобраться с этим Сунь Дали. Бей собаку — смотри на хозяина, разве можно трогать людей, приставленных к императору? Однако подходящий повод найти было сложно: за азартные игры во дворце не штрафуют, драка — наказывать нужно обе стороны, шулерство — слишком притянута за уши...

Взглянув на нераскаявшееся лицо Тянь Ци, Цзи Хэн покачал головой. Ладно, потом разберемся, пусть этот маленький извращенец получит урок.

Но жалко было портить такую мордашку шрамом. Цзи Хэн бросил: — Сходи в аптеку, возьми Мазь Нефритового снега. Еще раз ввяжешься в драку — не пощажу.

— Благодарю за милость, Ваше Величество.

После смены Тянь Ци, забыв про еду, помчался в аптеку. Сказал, что пострадал по воле императора, и аптекарь, не задавая лишних вопросов, выдал ему лучшие средства, включая ту самую мазь.

Успешно провернув очередную аферу, Тянь Ци довольный отправился восвояси.

Тем временем Цзи Хэн вызвал Шэн Аньхуая, чтобы прояснить ситуацию. Тот уже все разузнал и доложил как есть. Разумеется, поскольку он уже включил Тянь Ци в свой круг, то говорил в его пользу: мол, евнухи в свободное время развлекаются игрой — это простительно, а главное — Тянь Ци проявил храбрость, бросившись спасать князя.

К удивлению Шэн Аньхуая, император фыркнул: — Какая еще героическая защита? Кто его господин?

Шэн Аньхуай похолодел: он упустил из виду, что у императора с князем были непростые отношения. Если евнух, приставленный к императору, якшается с князем — это плохой знак. А вопрос о господине ставил Тянь Ци в опасное положение: если князь — его господин, не значит ли это, что у того есть виды на трон...

Страх перед домыслами заставил Шэн Аньхуая побледнеть, и он поспешил исправиться: — Вы правы, Ваше Величество. Тянь Ци, должно быть, не думал ни о чем, кроме как о том, чтобы не пострадал невинный.

Цзи Хэн подумал: этот маленький извращенец наверняка бросился на помощь только потому, что А-Чжэн красив.

При этой мысли он снова издал недовольный смешок.

<http://bllate.org/book/22267/2330911>